

DOI: 10.22250/2072-8662.2019.2.23-35

Яковлева А.М., Волобуев А.В.

Проблема фундаментализма в зарубежном православии: обзор

Аннотация. В обзоре рассматривается проблема православного фундаментализма в обсуждении англоязычных авторов разных деноминаций, представителей канонических и неканонических православных церквей, происшедшем в богословских дискуссиях, в публицистике и на научных конференциях преимущественно в последние годы. Основные материалы впервые вводятся в научный оборот на русском языке. Излагаются представления о фундаментализме в православии в зарубежной печати, приводятся определения православного фундаментализма, главные тезисы оппонентов и их аргументация. Нередко слово «фундаментализм» в отношении православия используется как бранное обозначение для тех оппонентов, кто имеет традиционные или консервативные убеждения, склонен к «обрядоверию», проявляет нетерпимость и неготовность к диалогу, в том числе экуменическому. Однако с начала XXI века богословы, священнослужители и учёные пытаются дать более строгое определение такому фундаментализму как феномену эпохи модерна, в особенности на её излёте. Речь идёт прежде всего об отношении к трудам святых отцов церкви. Высказывается, в частности, мнение, что почитание святоотеческих писаний наряду с постановлениями Соборов (что и составляет Св. Предание) должно быть пересмотрено. Однако понятие «православного фундаментализма», как следует из предлагаемого обзора, пока не сформировалось. Но можно говорить о таких его признаках, связанных, в частности, с широким выходом в публичную сферу массового сознания, как стремление к минимизации богословских положений, абсолютизации одних положений вероучения в ущерб другим и логосом (модерном) прочтении мифа.

Ключевые слова: православие, фундаментализм, патристика, миф, логос, святоотеческий фундаментализм, пост-патристика

А.М. Яковлева

А.В. Волобуев

Anna M. Yakovleva, Alexey V. Volobuev

The Problem of Fundamentalism in Foreign Orthodoxy: the Review

Abstract. The review deals with the problem of Orthodox fundamentalism in the discussion of English-speaking authors of different denominations, representatives of canonical and non-canonical Orthodox churches, which took place in theological discussions, in journalism and at scientific conferences mainly in recent years. The main materials are first introduced into the scientific circulation in Russian. The concepts of fundamentalism in Orthodoxy in the foreign press are presented; the definitions of Orthodox fundamentalism, the main theses of opponents and their argumentation are given. Frequently, the word “fundamentalism” in relation to Orthodoxy is used as a banal nickname for those opponents who have traditional or conservative beliefs, are prone to “ritualism”, shows intolerance and lack of readiness for dialogue, including ecumenical. However, since the beginning of the 21st century, theologians, priests and scholars have been trying to give a stricter definition of such fundamentalism as a phenomenon of the modern era, especially in its demise. It is primarily about the attitude to the works of the holy fathers of the Church. It is expressed, in particular, the opinion that the veneration of patristic writings, along with the resolutions of the Councils (which constitutes the Holy Tradition) should be revised. However, the concept of “Orthodox fundamentalism”, as follows from the given review, has not yet been formed. But one can speak of such signs of it, connected, in particular, with a wide exit to the public sphere of mass consciousness, as the striving to minimize theological provisions, absolutization of some provisions of dogma to the detriment of others, and the logos (modern) reading of the myth.

Key words: Orthodoxy, fundamentalism, patristic, myth, logos, patristic fundamentalism, post-patristic theology

Яковлева Анна Михайловна – кандидат философских наук, независимый исследователь; кафедра философии ТСХА, ВГИК, старший научный сотрудник Государственного института искусствознания, приглашённый профессор Института переводчиков университета Йёнсуу (г. Савонлинна, Финляндия), редактор журнала «Обсерватория культуры» Российской государственной библиотеки; г. Москва; avlappa@gmail.com

Anna M. Yakovleva – PhD (Philosophy), independent researcher; Associate Professor at the Department of Philosophy of Timizyazev Agricultural Academy; senior lecturer at the Department of Philosophy of All-Union State Institute of Cinematography; senior researcher at State Institute of Art Studies; invited lecturer at the Institute of Translators of the University of Joensuu (Savonlinna, Finland); editor of Culture Observatory journal, Russian State Library; Moscow, avlappa@gmail.com

Волобуев Алексей Викторович – кандидат философских наук, доцент, доцент Департамента социологии, истории и философии Финансового Университета при Правительстве Российской Федерации; Москва; urticaferox@yandex.ru

Alexey V. Volobuev – PhD (Philosophy), Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Sociology, History and Philosophy of the Financial University under the Government of the Russian Federation; Moscow; urticaferox@yandex.ru

---

Содержание термина «фундаментализм» применительно к религии до сих пор остаётся спорным. Но большинство исследователей полагает, что фундаментализм – явление Нового времени, времени модерна, которое в Европе отсчитывается начиная с эпохи Возрождения, т. е. примерно с XV века. В этот период в массовых масштабах наступает время логоса, которое оттесняет господствовавшее до той поры мифологическое сознание. Согласно определениям британского религиоведа Карен Армстронг, в сознании людей прошлого «выделялись два направления, которые учёные называли “миф” и “логос”. Оба были важны и выступали взаимодополняющими способами постижения истины, при этом за каждым была закреплена собственная область применения. Первичным считался миф, как связанный с вневременными и постоянными составляющими нашего существования. Миф обращён к истокам жизни, к основам культуры и к глубочайшим слоям человеческого сознания. Миф не связан с практическим применением, только со значениями и смыслом. <...> Общественный миф обеспечивал человеку контекст, наполнявший его будни смыслом, направлявшим его внимание на вечное и универсальное. <...> Миф и культ неразделимы...» [Армстронг, 2013, 16–17].

Логос – слово многозначное. Это и разум, и закон, и мысль, и смысл, и слово, и высказывание, и понятие, и речь, и судьба, и Бог-Сын в христианстве. Но в секуляризованном мире его чаще связывают с разумом и словом. Для древних, с точки зрения К. Армстронг, «логос имел не меньшее значение (чем миф. – А.Я., А.В.). Без этого рационального, прагматичного, научного мышления человек не смог бы ориентироваться и существовать в окружающем мире. <...> В отличие от мифа логос должен точно воспроизводить факты и соответствовать внешней действительности <...> В древние времена одинаково высоко ценился и миф, и логос. Друг без друга они бы обеднели, отличаясь, тем не менее, по природе своей <...>. Миф не брался за основу прагматической программы действий <...> У логоса тоже имелись свои ограничения: он не способен был утешить в горе и унять боль <...>. Логос не мог дать ответ на вопросы о высшей ценности человеческой жизни. <...> Однако к XVIII в. европейцы и американцы достигли таких поразительных высот в науке и развитии технологий, что логос стал казаться им единственным способом обретения истины, и они начали отвергать миф как ложь и предрассудки» [Армстронг, 2013, 18–19]. Но миф не исчез: он продолжает парадоксальным образом сосуществовать с логосом-разумом.

В основе религиозного фундаментализма – отчаянный крик человека модерна, взывающего к смыслу и нравственности в обесмысленном атеистическом мире модерна, где мораль понимается релятивистски, где, по слову Ф.М. Достоевского, «всё дозволено». Однако в самом мире модерна, запуганном радикалами и террористами, принято относиться к фундаментализму резко отрицательно. Меж тем научный – собственно логосный – подход, который в Новое время превратился в культ разума, и здесь даёт сбой, поскольку требует объективного, неангажированного рассмотрения феноменов.

В середине 1990-х гг. слово «фундаментализм» в отношении православия часто используется за рубежом православными экуменистами как бранный ярлык

в отношении тех, кто экуменизм не приемлет. Однако уже архимандрит Истинной (Старостильной) Православной церкви Греции о. Киприан выступает со статьёй «Православие и фундаментализм. Фундаментализм православных экуменистов» [Сургиан Агиокуприанитес, 1997]. Он отмечал, что словом «фундаментализм» можно называть и простое следование основам веры, которые приняты за критерий истинности, и «безмозглый консерватизм», и крайний фанатизм с его агрессивными приверженцами, с ненавистью относящимися к людям иных убеждений. Уже из этого перечисления можно понять, что слово «фундаментализм» в это время пока ещё не приобрело терминологического значения, однако уже широко используется.

Фундаменталисты, согласно мнению архимандрита Киприана, считают, что их идентичности (религиозной, этнической, политической и др.) угрожают инновации, принесённые временем, и такое «изначальное здоровое чувство» заставляет их бросаться в ретроградную защиту своих «основ». Эта позиция характеризуется следующими отрицательными положениями: статичное понимание истории и мира; отождествление неизменных сущностей и истины со своими собственными мимолётными впечатлениями и конкретно-историческими интерпретациями; абсолютизация обычая и формы; фиксация на частном в ущерб универсальному; отказ от продуктивного диалога и высокомерие в отношении тех, кто держится другого образа мыслей; отрицание ценности любого разнообразия и фанатичная приверженность собственному «единственно верному» учению; непонимание (или нежелание понять) важности единства в многообразии и многообразия в единстве. Фундаментализм понимается о. Киприаном широко, как древний феномен, свойственный и отдельным личностям, и движениям, однако его возрождение, в особенности в христианстве, говорит архимандрит, связано с американским, северным и западноевропейским протестантизмом конца XIX – начала XX веков. Это, считает о. Киприан, – страшный феномен духовной жизни, с которым православие сталкивалось с самого начала в форме заблуждения, или «рвения не по разуму». Далее он пишет: «Наша верность основам и наше отношение к Св. Преданию, поскольку они находятся в харизматической перспективе Православной Веры, не предполагают ни фундаментализма, бесплодного господства традиции, нездорового взывания к прошлому, ни законнического мышления.

Исихастский и евхаристический характер нашей православной веры динамично удерживается в вечно настоящем “сейчас”, эсхатологическом будущем (“parousa eschatologia”) и нашем личном союзе с Богочеловеком» [Сургиан Агиокуприанитес, 1997], соделывая православных причастными к нетварному приобщению св. таинств и даруя им возможность одолеть поклонение всякой твари и ограниченность, налагаемую на людей прошлым, настоящим и будущим. По этой причине «истинное Православие никогда не приближается к ложным дилеммам между консерватизмом и либерализмом, изоляционизмом и интернационализмом, провинциализмом и космополитизмом, поскольку оно <...> постоянно “новое”, “обновлённое” и “современное”» [Сургиан Агиокуприанитес, 1997].

Православные экуменисты всегда оказывались в оппозиции к фундаментализму уже потому, что желали быть открытыми диалогу с «городом и миром», однако если первые из них были готовы к диалогу «даже с сатаной» [Сургиан Агиокуприанитес, 1997], то недавно возрождённый экуменизм проявил себя в самых жёстких формах. Его приверженцы готовы разговаривать с любыми неправославными и нехристианами – но не вести братский диалог с православными, выступающими против экуменизма. Они объявляют свои «основы» критерием истины, утверждают собственную монополию на подлинное выражение православия, не допуская инакомыслия, скатываются к фанатизму; они «на протяжении десятилетий готовили почву – в пределах своей экуменической олигархии – для предполагаемого Священного Великого Синода, чтобы навязать народу Божьему то, что он отверг и не приемлет: “диалоги”, “экуменическое движение” и “Всемирный Совет церквей” с его экклезиологической девиацией» [Сургиан Агиокуприанитес, 1997]. Таким образом, крайности сходятся: экуменизм, полагает о. Киприан, сливается с фундаментализмом в своей закрытости, воинственном консерватизме, агрессивном фанатизме и ненависти к инакомыслящим.

Новый подъём интереса к проблеме православного фундаментализма и бурные дискуссии за рубежом вызвало выступление в 2015 г. директора и соучредителя Центра православных исследований в Университете Фордхэма, православного богослова, д-ра Георгия Е. Демакопулоса, размещённое в блоге Греческой Православной архиепископии Америки 29 января [Demacopoulos, 2015]. Этот университет расположен в США (где сильны протестантские фундаменталистские течения) в католическом учебном заведении, Греческая Православная церковь находится под юрисдикцией Константинопольского патриархата.

Автор начинает своё программное выступление очевидным утверждением: почитание отцов церкви и их трудов является одним из краеугольных камней православного христианства. В самом деле, тексты, почитаемые в православии как источники – Св. Писание и Св. Предание, а Св. Предание состоит из решений Вселенских и поместных соборов, а также творений св. отцов. Далее д-р Демакопулос выражает озабоченность тем, что «так много православных священнослужителей и монахов в последние годы публиковали заявления, которые отражают “фундаменталистский” подход к отцам Церкви» [Demacopoulos, 2015], что представляет собой крайне опасную экстремистскую тенденцию. В чём же состоит, по мнению д-ра Демакопулоса, «фундаменталистский» (пока это слово даётся в кавычках) подход к святоотеческому наследию?

Православные фундаменталисты (тут уже адепты фундаментализма называются без кавычек), как это свойственно фундаменталистам других деноминаций, сводят православие к набору неких аксиом, которые, по их мнению, являются критерием православности и христианскости вообще, и оценивают любые суждения и учения по степени совпадения или несовпадения с этими исходными положениями. Далее автор выделяет следующие черты православного фундаментализма – это убеждение в том, что:

- все отцы церкви согласны по всем богословским и этическим вопросам;
- православное богословие никогда не менялось;
- монашеское сообщество всегда было хранителем православного вероучения;
- отцы церкви были антиинтеллектуалами (anti-intellectual);
- православие – это антизападничество [Demacopoulos, 2015].

Д-р Демакопулос утверждает, что все эти убеждения ошибочны, являются симптомами «идеологического маскарада» и отталкивают верующих от церкви. «Рабская приверженность к окаменевшему набору предложений» [Demacopoulos, 2015] (имеются в виду святоотеческие писания или какая-то их часть – *А.Я.*, *А.В.*) является идолопоклонством и к истине привести не может (далее, как мы увидим, войдёт в словоупотребление выражение «святоотеческий фундаментализм»).

Тут следует сказать, полагают авторы, что требование отказа от почитания части Св. Предания – творений св. отцов – является не меньшим стремлением к богословскому минимализму, чем стремление к таковому протестантского фундаментализма. Парадокс состоит в том, что теологический минимализм в сочетании с логосным (модерным) прочтением мифа оказываются признаками не только религиозного фундаментализма, но и его критики.

Уже в феврале 2015 г. появляется ответ о. Иоанна Уайтфорда (РПЦЗ) [Whiteford, 2015]. О. Иоанн указывает на то, что понятие «фундаментализм» было неоправданно расширено после 1979 г. в политических целях в связи с историей с заложниками в Иране, дабы связать христианский консерватизм с исламским радикализмом и терроризмом, с людьми вроде аятоллы Хомейни и Усамы бен Ладена, а фордхэмский богослов употребляет его в качестве просто бранного слова. Демакопулос действительно не приводит примеры и не называет имён, в чём его справедливо упрекают все оппоненты. Тогда о. Иоанн предполагает, что в разряд фундаменталистов Демакопулос в первую очередь зачислит старостильников – но они, скорее, не минималисты, а, напротив, максималисты, поскольку придают значение коренного вопросу, который таковым не является; кроме того, и сами старостильники не едины и по ряду принципиальных вопросов прямо противоположны протестантским фундаменталистам. Правда, добавим мы, если в православии и есть нота антизападничества, то в протестантском фундаментализме есть отчётливый антиориентализм (антивосточничество), понимать ли под Востоком Византию, Сирию или Россию.

Далее о. Иоанн справедливо отмечает, что по своим минималистским тенденциям модернисты бывают гораздо ближе к фундаментализму в исходном значении этого слова. При этом утверждение д-ра Демакопулоса, что некие православные верят в полное согласие св. отцов по всем вопросам, выглядит карикатурой и просто не соответствует действительности [Whiteford, 2015]. Подробное разъяснение того, что есть «согласие отцов», дано, например, в статье священника Георгия Максимова «Принцип “согласия отцов” и современные нападки на него» [Максимов, 2016]. Этот автор подчёркивает, что богословская минимизация свойственна именно модернистам, которые критикуют авторитет Св. Предания. Можно добавить, что тогда следовало бы отвергнуть Св. Предание в целом, ибо решения Соборов опирались на мнения большинства св. отцов, и в результате остался бы в действии принцип *Sola Scriptura* (только Писание), т.е. протестантский принцип.

Далее о. Иоанн критикует утверждения оппонента по конкретным вопросам – разногласия Петра и Павла по вопросу об обрезании, отказ преп. Иоанна Дамаскина от предшествовавшей гимнографической традиции. Монашеские общины, пишет о. Иоанн, действительно были в истории оплотом православия, хотя не всегда и не везде, и вряд ли кто-то может утверждать обратное. Довольно сомнительным автор также считает утверждение, что православные могут признавать св. отцов антиинтеллектуалами. Тут авторы статьи полагают нужным добавить, что нередко православные действительно считают «умовой» путь к Богу низшим и опасным, однако у св. отцов есть идеи и *pro ratio*, и *contra*. В восточной патристике встречается как отрицательное, так и положительное отношение к интеллектуальному знанию.

Летом 2015 года дискуссия продолжилась, д-р Демакопулос и о. Иоанн Уайтфорд встретились лично, содержание аргументов и контраргументов можно послушать или прочитать в материале «Orthodox Fundamentalism: What is it and does it exist?» [Orthodox Fundamentalism, 2015].

О. Иоанн Уайтфорд будет возвращаться к данной теме не раз, например – весной 2017 г. (в связи с лекцией его оппонента «Tradition Without Fundamentalism») в статье «Фундаментальные ошибки: ответ на “Традицию без фундаментализма” Георгия Демакопулоса» [Whiteford, 2017], отмечая, что д-р Демакопулос представил не православие, а карикатуру на него. Важное методологическое значение имеет замечание о. Иоанна о том, что сопротивление современным принципам, секуляризации и глобализации ещё не даёт оснований отождествлять такие разные течения, как протестантские фундаменталисты вроде адвентистов седьмого дня, пацифистов, – и ИГИЛ; диспенсационалисты, которые обычно настроены более просионистски, чем еврейские сионисты, – и греческие и русские антисемиты; новообращённые в православие из протестантов, не замеченные в ксенофобии, – и радикальные националисты; протестантские реставрационисты, считающие, что церковь не существовала на протяжении большей части истории, а они её возродили, – и православные традиционалисты, полагающие, что церковь должна избегать всяких реформ, – всё это совершенно разные течения [Whiteford, 2017]. О. Иоанн, в частности, подчёркивает, что обвиняя фундаменталистов в антиинтеллектуальности, богослов намеренно отождествляет рациональное мышление и рационализм, однако это не одно и то же: рационализм как культ разума (зачастую вырождающийся в рассудочность и прагматизм, заметим мы) – это принцип Нового времени, с которым православные согласиться не могут. И это православные «борцы с фундаментализмом» хотят сделать из православной церкви что-то совсем другое, требуя, при апелляции к раннему христианству, отсутствия иконостаса или, по крайней мере, отёрнутых занавесей и открытых дверей в нём, произнесения тайных молитв вслух, восстановления института дьяконисс и признания права на брак епископата и т. д.

Заявление Демакопулоса о том, что все антиэкуменисты – фундаменталисты, по мнению о. Иоанна, также не выдерживает критики. Согласно пониманию священника, экуменизм основывается на утверждении, что православная церковь представляет собой одну из ветвей христианства, которые лишь вместе составляют полноту и единство христианства вообще. В своих крайних проявлениях экуменизм даже выходит за пределы христианского мира и претендует на создание некоего синкретичного единства всех религий. Тут важно обратить внимание на словарь.

В православной традиции, говоря об «экуменическом», имеют в виду прежде всего Вселенские соборы, но это не значит, что «вселенскими» они являются тогда, когда все раскольники и еретики посылают на них своих представителей. Напротив, на Вселенских соборах происходило отмежевание от еретиков. И если Демакопулос считает, что случившиеся за последние десятилетия экуменические эксцессы вроде участия священнослужителей в совместных литургиях – это то, что одобрили бы отцы церкви, то он рисует воображаемое прошлое, которого никогда не было [Whiteford, 2017]; при этом д-р Демакопулос не видит никаких оснований для антиэкуменических настроений – и именно потому, что предпочитает трактовать мир и своих оппонентов в чёрно-белом свете, без нюансов, т. е. используя те подходы, которые он приписывает фундаменталистам.

Далее о. Иоанн обсуждает проблему перекрещивания пришедших к православию инославных и показывает, что часто это оказывается вопросом икономии. Завершает статью обсуждение проблемы морального релятивизма. Если теолог не считает это проблемой, то священник, напротив, демонстрирует всю сложность ситуации: американские православные имеют неясные нравственные убеждения, например, в отношении гомосексуализма, хотя в Св. Писании есть ясные ответы на подобные вопросы. Следует задаться вопросом, не является ли продвижение «пост-патристического богословия» способом отрицать греховность подобных вещей и потрафить духу века сего.

Летом 2016 г. в дискуссию вступил, среди прочих авторов, священник Эммануэль Хацидакис (Греческая Православная архиепископия Америки) со статьёй «Что такое православный фундаментализм?» [Hatzidakis, 2016]. Как указывает в своей «вирусной» статье д-р Демакопулос, православный фундаментализм и в Новом свете, и в Старом имеет характерные черты – библейский буквализм и пиетизм. Во врезке к статье о. Эммануэля выделен важный текст:

«Каковы характеристики православного фундаменталиста?»

Как правило, фундаменталисты рассматривают Библию или любую другую (подобную) книгу как буквальное слово Бога.

В своей крайней форме фундаментализм – фанатизм.

Почти все старостильники – фундаменталисты.

Большинство фундаменталистов также являются фанатиками.

Отделение от Церкви в связи с изменением календаря является крайней формой фундаментализма.

Фундаменталисты наклеивают ярлык «модернистов» на новостильников.

Фундаментализм встречается главным образом в монастырях, но он вызывает наибольшую тревогу, когда распространяется среди духовенства и светских лиц, живущих в мире, которые пытаются подражать монашескому образу жизни» [Hatzidakis, 2016].

О. Эммануэль указывает, что «св. отцы сформулировали свой собственный опыт, уже достигнув теозиса, который является знанием Бога» [Hatzidakis, 2016]. Меж отцами церкви не было несогласия, как это пытается доказать д-р Демакопулос, следуя т.н. «пост-патристическому богословию», на самом деле они расширяли и обогащали достижения своих предшественников, просвещённые благодатью Св. Духа. Такие «прогрессисты», как Демакопулос, характеризуют патристическую защиту чистоты учения и защиту от ересей фундаментализмом, «называют верность законам церкви законничеством, приверженность христианской этике – пиетизмом, а испытание отклонений от учений церкви – выражением ненависти» [Hatzidakis, 2016]. Подобный подход, утверждает о. Эммануэль, и есть «пост-патристическое богословие», возрождение рационалистического подхода к истине, варлаамизма, осуждённого паламитскими соборами. И тогда не является ли «фундаменталистским» Символ веры? А догматы, литургия, сама Библия, св. таинства и христианская мораль? Не «фундаменталист» ли и сам Христос? «Зачем придерживаться исключительной (“фундаменталистской”) религии? Почему бы не начать заново с современного выражения веры? Но... вот это они и предлагают!» [Hatzidakis, 2016].

В августе 2017 г. в полемику вступает блогер из США с ником «Иеремия», публикуя текст «Православный фундаментализм» [Jeremiah, 2017]. Он замечает, что среди православных появилось мнение, согласно которому почитать следует лишь

решения Соборов, а положения трудов отцов церкви считать теологуменами – частными богословскими мнениями. «Иеремия» полагает, что такой ход мыслей чужд православию: «Православие – это полнота христианской веры, а не её минимум» [Jeremiah, 2017]. В трудах отцов церкви нигде нет положения «Solo Concilio!» «Если все идеи, не рассмотренные Соборами, являются просто теологическими мнениями, то поклонение Святой Троице было бы теологуменом до первого Вселенского собора; иконопочитание также было бы не чем иным, как установившейся (но доступной) практикой до седьмого Собора» [Jeremiah, 2017]. И далее: «Соборы не создавали догмат или доктрину, скорее они подчёркивали правильную доктрину, когда ей бросали вызов ереси. Кто был авторитетом для Соборов? Учения и согласие Отцов нашей Церкви» [Jeremiah, 2017].

Разумеется, в их писаниях есть и теологумены, пишет «Иеремия», и нужен опыт в различении теологуменов и того, в чём есть согласие Отцов.

В данном обзоре указаны наиболее яркие или характерные отклики на статью д-ра Демакопулоса, а меж тем дискуссия оказалась широкой и долговременной.

В мае 2018 г. в Белграде состоялась международная конференция «Православие и фундаментализм», организованная Академией богословских исследований ВОЛОС (Греция) в сотрудничестве, в частности, с Фордхэмским университетом (США), а также с другими организациями. Подготовка к конференции и сделанные на ней доклады показали, насколько ещё далеки теологи и светские учёные от единства в понимании самого феномена фундаментализма вообще и православного фундаментализма в частности¹. Уже в предварительных заявлениях виден акцент не столько на научных, неангажированных по определению, или богословских аспектах проблемы, сколько на политических и идеологических. Меж тем политизация религиозной проблематики является, как указывают многие исследователи, признаком фундаментализма, а предвзятое отношение к предмету изучения не свойственно объективному научному подходу.

Тут выступил и д-р Демакопулос с докладом «Недавнее изобретение “традиционного” православия», в котором утверждал, что «появление “традиционного православия” в XX веке как отличительного маркера подлинной православной идентичности следует трактовать как побочный продукт борьбы внутри (православного) сообщества за смысл и актуальность в свете многовековой богословской зависимости/сопротивления западному христианству» [Volos Academy, 2018]. Обсуждались проблемы «консерватизм, фундаментализм и политика идентичности в арабском мире», «фундаментализм и экуменизм», «теоретические предпосылки христианского фундаментализма», «плюрализм, секуляризм и фундаментализм», «фундаментализм: теология на службе психоза» (с утверждениями о фундаментализме как паранойе и агрессии, недостатке самокритики, доминировании внутреннего бессознательного представления о карающем Боге), «эпистемология радикализованной веры» (с утверждением о паранойяльной и нарциссической природе фундаментализма), «фундаментализм и библейская герменевтика» и др. Д-р Аристотель Папаниколау (Aristotle Papanikolaou, Фордхэмский университет) и д-р Хараламбос Вентис (Haralambos Ventis, Афинский университет) представили доклад «Фундаментализм в православной церкви: внутренний или переходный (феномен)?» Позже профессор философии религии Вентис опубликует статью по материалам этого доклада [Ventis, 2018], изложение которой и реакция на неё будут освещены ниже. Россияне Алексей Бодров и Сергей Чапнин представили доклад «Матильда и матильдинг: восстание и падение радикального православного фундаментализма в России», в котором утверждается, что официальная церковь предпочитает не замечать радикалов с их агрессивией и насилием; Анастасия Митрофанова выступила с докладом «Фундаментализм в идеологии и практике православных политических движений в современной России», где говорилось, что фундаментализм – не форма собственно религиозности, а специфическая религиозная идеология, основанная на идее вернуть под свой диктат общество, которое становится всё более перmissiveм и всё менее соответствующим религиозным требованиям.

Следует констатировать, что при ряде интересных подходов к проблеме фундаментализма в православии пока не существует подробного и глубокого описания

этого феномена и даже серьёзного обоснования его существования, а претензии психоаналитиков свести сложное социокультурное явление к психическим заболеваниями и психологическим девиациям просто не выдерживает критики.

Уже летом 2018 г. в периодике появляется обещанная в Белграде статья д-ра Вентиса «Фундаментализм как “православизм”». Автор утверждает, что среди причин наблюдаемой им «печальной карикатуры на православие, которую можно было бы назвать “православизмом”» [Ventis, 2018], он обнаруживает «страх теологии» [Ventis, 2018]. Именно такой страх, полагает профессор, побудил заменить богословие «сентиментальной», но «устаревшей» «духовностью» [Ventis, 2018].

Далее д-р Вентис рассматривает черты феномена, названного им «православизмом». Это «отвращение к мысли, особенно критической», равно как и «отвращение к материальности и историчности человеческой жизни и соответствующий почти исключительный акцент на “духовности”, сосредоточенной на спасении своей души на небесах и, таким образом, граничащей с антропологией и метафизикой Платона» [Ventis, 2018]. Эти положения автор раскрывает в следующих тезисах.

1) «Фетишизация, или идолопоклонство, в отношении отцов церкви как непогрешимых и прямых поставщиков божественных истин» [Ventis, 2018]. И на патристике, как думают православисты, следует завершить богословие и мысль вообще, ибо отцы церкви были святыми и, значит, непогрешимыми (авторы попутно не могут не отметить, что идея о безгрешности святых принадлежит массовому сознанию, но вовсе не образованным людям). Православные, по утверждению д-ра Вентиса, создали «святоотеческий фундаментализм» по образу и подобию протестантского *Sola Scriptura*.

2) Всё «Священное Предание в православной церкви также рассматривается как законченное, полное и, следовательно, статическое знание, предназначенное для пассивного потребления. Тут нет места для дальнейшего развития», включая «новое и неожиданное» [Ventis, 2018] в связи с появлением новых феноменов. И вместо того, чтобы внимать Св. Духу, который, среди прочего, «призван обновлять историю и тварь», производя «новые, порой неожиданные формы благодати, равно как и биологические и социальные реалии, ведя церковь к Концу времён» [Ventis, 2018], когда Господь установит совершенно новые нормы жизни, непохожие на сегодняшние («и последние станут первыми, и первые последними») – Мф. 20:16; Мк. 10:31), – «церковь, обращённая вспять, всегда восхваляет “славное” прошлое, нормы которого должны диктовать настоящее и будущее поведение» [Ventis, 2018]. Отказавшись от своей эсхатологической ориентации, церковь безнадежно отстаёт от общества, поскольку «мир становится более человеческим, широким и справедливым» [Ventis, 2018]. Православная церковь же страдает «похотью в отношении прошлого» [Ventis, 2018].

3) «Православизм испытывает сильное отвращение к модерну и его амбивалентным побочным эффектам, открытому обществу и либеральной демократии» [Ventis, 2018]. Общество модерна, отстаивая права человека и гражданина, терпимость, плюрализм и свободу личности, позволяет существовать и реализоваться не только антицерковным ценностям и нормам, но и предоставляет возможность публичной деятельности церкви. Модерн предполагает отделение церкви от государства де-юре или де-факто. Православные церкви, будучи церквами восточными, давно научились использовать государственную мощь в своих интересах, указывает д-р Вентис. «Они научились быть партнёрами Цезаря с первого дня, и это единственная роль, которую они знают» [Ventis, 2018]. Однако «когда вы становитесь партнёром Цезаря, вы неизбежно окажетесь и его блудницей» [Ventis, 2018] (явный намёк на пресловутый «цезарепапизм» православия). Отсюда, полагает профессор, и вся враждебность к демократическому обществу равных свобод.

4) Антизападничество – характерная черта православизма. Но ведь западные демократии, полагает д-р Вентис, хотя и далеки от совершенства, однако это единственное место на земле, где свобода мысли, совести, слова и действия – не пустые слова. Но тут возникает и более широкая проблема – с какого-то времени, идентифицируя себя через того или иного врага, православие (тут автор говорит опять же именно о православии, а не о православизме) становится врагом всего (*anti-everything*), самоопределяется через врага.

Откровенно апологетический идеологический и светский характер статьи, её враждебный православию тон и открытый антиориентализм очевидны. Тем не менее – или благодаря этому – статья вызвала многочисленные отклики. Подробный ответ «Об утверждениях православного фундаментализма» публикует иеромонах Гавриил (РПЦ) [Gabriel, 2018]. Он отмечает, что статья «Фундаментализм как “православизм”» по своему содержанию оказывается растущим трендом в широких церковных кругах, особенно учёных.

Д-р Вентис начинает с утверждения, что мотивация фундаменталистов – страх. Иеромонах Гавриил полагает, что такое утверждение практически ложно – если обладающие фундаменталистским мышлением занимаются теологией, то, скорее, они слишком озабочены ею, а не испытывают перед ней страх. Эти фундаменталисты, как утверждает профессор Вентис, испытывают отвращение к мысли и равное отвращение к «материальности и историчности человеческой жизни», делая почти исключительный акцент на «духовности», которая основывается на заботе о спасении своей души на небесах и таким образом примыкая к антропологии и философии Платона. Доказательств этим утверждениям не находится, ибо когда речь идёт о фундаменталистах, говорит иеромонах Гавриил, они, скорее, уделяют большое внимание тому, как мы относимся к телу и его поведению в настоящей жизни [Gabriel, 2018]. Но если «материальность» и «историчность» означают потворство плоти и угождение веку сему, а богословие – эвфемизм для новых доктрин, о которых не слыхивали в истории христианства, то профессор прав: многие испытывают отвращение к подобным вещам и озабочены проблемами духовности, спасения и вечной жизни [Gabriel, 2018].

В своей набожности некоторые православные действительно близки к тому, чтобы приписывать святым непогрешимость, говорит иеромонах Гавриил. Но святость не означает безгрешности, к тому же святые могли не соглашаться друг с другом, однако, в отличие от еретиков, всегда подчинялись суду церкви. Поэтому при изучении патристики не следует предполагать, что каждый отец церкви был прав в каждом конкретном случае, но надо искать то, в чём св. отцы оказывались согласны друг с другом [Gabriel, 2018].

Однако д-р Вентис, указывает иеромонах Гавриил, пошёл дальше отрицания индивидуальной непогрешимости св. отцов. Он осмеивает как идолопоклонство мнение о том, что отцы церкви были «единственными авторитетами относительно всего существующего под солнцем» [Gabriel, 2018], – какового мнения, насколько известно, не придерживается вообще никто.

Говоря о «святоотеческом фундаментализме», проф. Вентис, видимо, предполагает, что, сталкиваясь с новыми проблемами, не следует обращаться к трудам отцов церкви, ибо это – «патристическая идололатрия» и «фундаментализм». Таким образом, указывает иеромонах Гавриил, профессор опровергает не веру в непогрешимость отцов церкви, а вообще их авторитет.

Что касается сформулированного оппонентом второго признака «православизма», а именно мнения о полноте и законченности Св. Предания, действительно, многие православные считают его завершённым [Gabriel, 2018]. Ошибаются ли они? У проф. Вентиса нет ответа – только высмеивание такого убеждения как очевидно безумного. Но «православисты» тут не ошибаются, считает иеромонах Гавриил. Само Св. Предание свидетельствует о своей полноте, о чём говорит и ап. Павел (Гал. 1:8). И такая вера вовсе не означает «пассивного потребления» Св. Предания, как утверждает д-р Вентис, – тот, кто когда-нибудь пытался читать патристические труды, это отлично знает. Что же касается «нового и неожиданного», то хотелось бы, чтобы эти «новые и неожиданные» явления оценивались в свете Традиции, а не Традиция приспособлялась к ним.

Относительно Св. Духа, который «призван обновлять историю и тварь», производя, по словам проф. Вентиса, «новые, порой неожиданные формы благодати, равно как и биологические и социальные реалии, ведя церковь к Концу времён», поражает такая формулировка «задач» третьей ипостаси Св. Троицы: в Библии нет ничего похожего на формулировки проф. Вентиса в отношении Св. Духа, зато надо согласиться с тем, что «церковь должна коллективно внимать Св. Духу», ибо кому же

и говорит Дух Божий, как не святым отцам прежде всего? [Gabriel, 2018]. Более того, идея постепенного раскрытия Св. Духом «последних вещей» (Конца времён) прямо противоречит Св. Писанию и святоотеческим трудам, не являясь православной. Тем не менее, полагает иеромонах Гавриил, такое учение абсолютно необходимо д-ру Вентису: если видеть современный мир как «более человечный, широкий и справедливый», то церковь должна отказаться от своей эсхатологической ориентации. Церковь обвиняется в «отставании от общества» – но по критериям не церкви, а того самого мира, о котором сказано: «дружба с миром есть вражда против Бога <...> кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу» (Иак. 4:4).

Третий признак «православизма», по д-ру Вентису, – «отвлечение к модерну», правам человека, либерализму и пр., которые, в частности, якобы присущи богословам и иерархам православной церкви. Кто же из них выступает публично против прав человека (иеромонах Гавриил оговаривается, что не имеет в виду сексуальную революцию и проблему ЛГБТ)? Похоже, что права человека проф. Вентис понимает так широко, что включает в них право на что угодно, т.е. грехи. Кто же даёт право людям грешить? Господь наделил человека свободой, отмечает иеромонах, но, когда люди выбирают грех, это надо оплакивать, а не поощрять. В отношении «свободы» рабствовать страстям, что позволено в обществах модерна, церковь выступает против, и не потому, что она нетолерантна или авторитарна, а потому, что христианину в этом случае остаётся только глубокая печаль. «Если врачи притворяются, что больные здоровы, это не толерантность. Это небрежение худшего рода», – указывает иеромонах Гавриил в части 2 своей статьи [Gabriel, 2018]. Профессор Вентис при этом полагает, что православные должны радоваться тому, что их голос – один из многих, но хороша ли какофония голосов, многие из которых несут ложь, и как можно составить себе истинное мнение, услышав, положим, семь ложных? Автор ответа д-ру Вентису – не единственный, кто признаёт, что мир выбрал свой путь и путь этот антихристианский. Абсурдно ждать, что христиане будут этому радоваться, и было бы ошибкой предполагать, что церковь станет молчать.

В обвинении православия в «цезарепапизме» становится уже очевидным, что автор нападает не на фундаментализм, а на православную церковь как таковую. Церковь осуждает модерн не потому, что не хочет отказываться от собственной власти, но затем, чтобы люди не отказывались от своих душ, пишет иеромонах.

Относительно «ломки индивидуальности» и «демонизации инаковости», свойственных, по мнению Вентиса, православным, иеромонах Гавриил указывает, что, согласно мнению его оппонента, обнародование ересей и ложных учений должно быть признаком здорового общества, что, мягко говоря, странно, а боязнь «демонизировать инаковость» вообще отрицает реальных демонов, которые приводят людей в ад. Любить людей трудно, но необходимо, однако любить кого-то – не значит превозносить его за грех, это значит неустанно трудиться ради его спасения.

Относительно четвёртого признака фундаментализма, названного проф. Вентисом, а именно антизападничества, и последовавшей затем апологетики Запада с его культом разнообразных свобод со стороны д-ра Вентиса, его оппонент пишет: «Я не верю, что в Писании или в любом из сочинений Православной Церкви сказано, что “свобода от религии” является похвальным и необходимым социальным принципом в соответствии с духом Господа. “Свобода от” нашей православной веры – это не что иное, как “свобода”, избранная Адамом и даже в Саду, то есть именно отказ от духа Господа, Который “стал послушным даже до смерти, и смерти крестной”. <...> Тем не менее, да, у нас есть эта свобода. У каждого из нас есть свобода выбора: принимать Христа или отвергать Его. Никто и ничто не может отнять эту свободу, кроме самого Бога, – и это одно, чего Он никогда не сделает.

Но никто вообще не предполагает, что государство должно каким-то образом заставить людей верить. Мы просто заявляем, что было грешно и духовно вредно для государства отступничество от христианства в пользу ложной религии (и даже д-р Георгий Демакопулос, директор организации, которая публикует Public Orthodox, соглашается с тем, что секуляризм – это религия)» [Gabriel, 2018].

В 3-й части своего ответа на статью проф. Вентиса иеромонах Гавриил анализирует заключение статьи – про самоидентификацию православия через «вражду

ко всему». С одной стороны, такая претензия не может быть предъявлена православию в целом – и далее приводятся известные имена наших современников, в отношении которых подобное обвинение очевидно несправедливо. С другой стороны, надо признать существование данного феномена, и это соблазн для нас, западных новообращённых, пишет иеромонах Гавриил. В некотором смысле такое самоопределение возможно и даже необходимо, ибо когда распространяются ложные учения, церковь не должна молчать. Верующие действительно ощущают глубокие противоречия между христианскими принципами и принципами мира модерна, нарастающие с каждым днём, и сегодня для многих наступило время, когда их уже просто нельзя игнорировать. И тут возможны четыре пути выхода из сложившейся ситуации, пишет иеромонах. Это, во-первых, фундаментализм – когда просто утверждается, что церковь права, а общество – нет; подобный ответ наносит ущерб как социуму, так и церкви, особенно православным, поскольку существует соблазн впасть в грех гордыни и осуждения. Однако таким образом люди пытаются защититься от угроз модерна, и в этом их правда.

Второй путь – апостасия, отступничество. Люди покидают церковь, однако по новым и уникальным основаниям – как Иван Карамазов, «возвращают свой билет»: происходит отказ от христианства на совершенно нравственных основаниях. Люди начинают верить в то, что настоящий моральный прогресс происходит вне и без церкви. Своя правда есть и у них, говорит иеромонах Гавриил: зачастую они отвергают «искажённое Евангелие и ложного Христа» [Gabriel, 2018].

Третий путь – путь компромисса, попытка соединить православие с духом времени. В этом случае грех не должен считаться грехом, и это то, что пропагандирует статья д-ра Вентиса, полагает иеромонах Гавриил.

Четвёртый путь – путь Традиции. Нам уже всё дано, единственная Истина – Христос, Который являет Собой вечное настоящее, поэтому не надо смотреть на ушедшее прошлое или несуществующее будущее. Нам не нужно «расширять» Традицию, но следует войти в неё глубоко, понимать её «не головой, а нашей жизнью», и это, как считает иеромонах Гавриил, единственно правильный выбор.

Выводы

Подводя итоги, есть основания заключить: взгляды и настроения, критикуемые в зарубежном православном дискурсе как фундаменталистские, далеки от социального радикализма и, скорее, представляют собой традиционализм и консерватизм; одни зарубежные православные церкви или течения могут быть охарактеризованы как более модернистские, другие – как более традиционалистские. То, что называют фундаментализмом в православии за рубежом, являет собой некую минимизацию богословия в массовом сознании (а когда было иначе?), абсолютизацию одних сторон вероучения в ущерб другим и логосное (рациональное) прочтение мифа. Впрочем, последние признаки свойственны и иным типам христианского фундаментализма, а также, как это ни парадоксально, взглядам многих их критиков. Представляется очень существенным то обстоятельство, что из почитания в православии «пост-патристические» богословы желали бы оставить лишь Св. Писание и изъять Св. Предание, что есть путь к протестантизму, а не к обновлению православия.

Библиографический список

1. Армстронг, Карен. Битва за Бога. История фундаментализма / Карен Армстронг: Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. – 502 с.
2. Максимов, Георгий, свящ. Принцип «согласия отцов» и современные нападки на него / Георгий Максимов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/95879.html> (дата обращения: 27.11.2018).
3. Уайхфорд Иоанн, свящ. Как пугают православным фундаментализмом / Иоанн Уайхфорд, свящ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://yurijmaximov.wixsite.com/pravoslavie/--1-c15s9> (дата обращения: 27.11.2018).
4. An International Conference on «Orthodoxy and Fundamentalism», May 10-12 2018, Belgrade, Serbia [Электронный ресурс]. – URL: <https://acadimia.org/en/news-announcements/announcement/569-an-international-conference-on-orthodoxy-and-fundamentalism-may-10-12-2018-belgrade-serbia> (дата обращения: 29.11.2018).

5. Cyprian Agiokyprianites, archimandrite. *Orthodoxy and Fundamentalism. The Fundamentalism of the Orthodox Ecumenists* [Электронный ресурс]. – URL: <http://orthodoxinfo.com/ecumenism/fundamentalism.aspx> (дата обращения: 27.11.2018).
6. Demacopoulos, George E. *Orthodox Fundamentalism* [Электронный ресурс]. – URL: <http://blogs.goarch.org/blog/-/blogs/orthodox-fundamentalism> (дата обращения: 27.11.2018).
7. Gabriel, hieromonk. *On Allegations of Orthodox Fundamentalism (Part 3). Tradition, Fundamentalism, and Modernity* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rememberingsion.com/2018/07/22/allegations-orthodox-fundamentalism-tradition-modernity/> (дата обращения: 30.11.2018).
8. Gabriel, hieromonk. *On Allegations of Orthodox Fundamentalism (Part 1). On the Holy Fathers and Holy Tradition* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rememberingsion.com/2018/07/16/allegations-orthodox-fundamentalism-holy-fathers-holy-tradition/> (дата обращения: 30.11.2018).
9. Gabriel, hieromonk. *On Allegations of Orthodox Fundamentalism (Part 2). The Church and Modernity* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rememberingsion.com/2018/07/20/allegations-orthodox-fundamentalism-church-modernity/> (дата обращения: 30.11.2018).
10. Hatzidakis, Emmanuel, fr. *What is Orthodox Fundamentalism?* [Электронный ресурс]. – URL: <http://orthodoxwitness.org/what-is-orthodox-fundamentalism/> (дата обращения: 28.11.2018).
11. Jeremiah. *Orthodox Fundamentalism* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.orthodoxroad.com/orthodox-fundamentalism/> (дата обращения: 28.11.2018).
12. *Orthodox Fundamentalism: What is it and does it exist?* [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ancientfaith.com/podcasts/aftoday/orthodox_fundamentalism_what_is_it_and_does_it_exist (дата обращения: 27.11.2018).
13. Ventis, Haralambos. *Fundamentalism as «Orthodoxism»* [Электронный ресурс]. – URL: <https://publicorthodoxy.org/2018/07/03/fundamentalism-as-orthodoxism/> (дата обращения: 29.11.2018).
14. Volos Academy for Theological Studies [Электронный ресурс]. – URL: <https://us8.campaign-archive.com/?u=9eb49964b8f057dadfc67eaea&id=028978d52f> (дата обращения: 29.11.2018).
15. Whiteford, John, fr. *Response to «Orthodox Fundamentalism» by George Demacopoulos* [Электронный ресурс]. – URL: <http://fatherjohn.blogspot.com/2015/02/response-to-orthodox-fundamentalists-by.html> (дата обращения: 27.11.2018).
16. Whiteford, John, fr. *Fundamental Errors: A Response to «Tradition Without Fundamentalism» by George Demacopoulos* [Электронный ресурс]. – URL: <https://orthodoxethos.com/post/fundamental-errors-a-response-to-tradition-without-fundamentalism-by-george-demacopoulos> (дата обращения: 27.11.2018).

Текст поступил в редакцию 27.11.2018.

---

¹ Заявленные темы докладов можно посмотреть по ссылке: An International Conference on “Orthodoxy and Fundamentalism”, May 10-12 2018, Belgrade, Serbia. URL: <https://acadimia.org/en/news-announcements/announcement/569-an-international-conference-on-orthodoxy-and-fundamentalism-may-10-12-2018-belgrade-serbia>; Краткий отчет о конференции см.: Volos Academy for Theological Studies. URL: <https://us8.campaign-archive.com/?u=9eb49964b8f057dadfc67eaea&id=028978d52f>.

References

1. *An International Conference on «Orthodoxy and Fundamentalism», May 10-12 2018, Belgrade, Serbia*. Available at: <https://acadimia.org/en/news-announcements/announcement/569-an-international-conference-on-orthodoxy-and-fundamentalism-may-10-12-2018-belgrade-serbia> (accessed November 29, 2018) (in English).
2. Armstrong K. *The Battle for God: Fundamentalism in Judaism, Christianity and Islam*. Knopf/HarperCollins, New York, 2000 (Russ. ed.: Armstrong K. *Bitva za Boga. Istoriya fundamentalizma*. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2013, 502 p.).
3. Cyprian Agiokyprianites, archimandrite. *Orthodoxy and Fundamentalism. The Fundamentalism of the Orthodox Ecumenists*. Available at: <http://orthodoxinfo.com/ecumenism/fundamentalism.aspx> (accessed November 27, 2018) (in English).
4. Demacopoulos George E. *Orthodox Fundamentalism*. Available at: <http://blogs.goarch.org/blog/-/blogs/orthodox-fundamentalism> (accessed November 27, 2018) (in English).
5. Gabriel, hieromonk. *On Allegations of Orthodox Fundamentalism (Part 3). Tradition, Fundamentalism, and Modernity*. Available at: <https://www.rememberingsion.com/2018/07/22/allegations-orthodox-fundamentalism-tradition-modernity/> (accessed November 30, 2018) (in English).

6. Gabriel, hieromonk. *On Allegations of Orthodox Fundamentalism (Part 1). On the Holy Fathers and Holy Tradition*. Available at: <https://www.rememberingsion.com/2018/07/16/allegations-orthodox-fundamentalism-holy-fathers-holy-tradition/> (accessed November 30, 2018) (in English).
7. Gabriel, hieromonk. *On Allegations of Orthodox Fundamentalism (Part 2). The Church and Modernity*. Available at: <https://www.rememberingsion.com/2018/07/20/allegations-orthodox-fundamentalism-church-modernity/> (accessed November 30, 2018) (in English).
8. Hatzidakis Emmanuel, fr. *What is Orthodox Fundamentalism?* Available at: <http://orthodoxwitness.org/what-is-orthodox-fundamentalism/> (accessed November 28, 2018) (in English).
9. Jeremiah. *Orthodox Fundamentalism*. Available at: <http://www.orthodoxroad.com/orthodox-fundamentalism/> (accessed November 28, 2018) (in English).
10. Maksimov G, priest. *Princip «soglasiya otcov» i sovremennye napadki na nego* [The “Consensus Patrum” Principle and It’s Modern Criticism]. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/95879.html> (accessed November 27, 2018) (in Russian).
11. *Orthodox Fundamentalism: What is it and does it exist?* Available at: https://www.ancientfaith.com/podcasts/aftoday/orthodox_fundamentalism_what_is_it_and_does_it_exist (accessed November 27, 2018) (in English).
12. Uaihford I., priest. *Kak pugayut pravoslavnyim fundamentalizmom* [How To Threaten with Orthodox Fundamentalism]. Available at: <http://yurijmaximov.wixsite.com/pravoslavie/--1-c15s9> (accessed November 27, 2018) (in Russian).
13. Ventis H. *Fundamentalism as «Orthodoxism»*. Available at: <https://publicorthodoxy.org/2018/07/03/fundamentalism-as-orthodoxism/> (accessed November 29, 2018) (in English).
14. *Volos Academy for Theological Studies*. Available at: <https://us8.campaign-archive.com/?u=9eb49964b8f057dadfc67eaea&id=028978d52f> (accessed November 29, 2018) (in English).
15. Whiteford J., fr. *Fundamental Errors: A Response to «Tradition Without Fundamentalism» by George Demacopoulos*. Available at: <https://orthodoxethos.com/post/fundamental-errors-a-response-to-tradition-without-fundamentalism-by-george-demacopoulos> (accessed November 27, 2018) (in English).
16. Whiteford J., fr. *Response to «Orthodox Fundamentalism» by George Demacopoulos*. Available at: <http://fatherjohn.blogspot.com/2015/02/response-to-orthodox-fundamentalists-by.html> (accessed November 27, 2018) (in English).